

Ф. М. Достоевский

кая насмешка, издевательство над истрадавшимися, униженным человеком. Идеальный герой романа Алеша Карамазов, носитель идеи христианской всепрощающей любви, вынужден в беседе с братом признать, что не может мать во имя иллюзорной гармонии на том свете любовно обнять мучителя-генерала, велевшего застрелить собаками на ее глазах ее собственное дитя. Алеша вынужден согласиться с братом, что таких людей, как генерал, надо расстреливать.

Таким образом, начав с апологии православной церкви, которая якобы одна способна исцелить человечество от всяких зол и страданий, Достоевский кончает тем, что обнажает мертвечину и ложь самих основ христианской религии, отражает кризис буржуазного индивидуалистического сознания.

Великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский, 75-летие со дня смерти которого по решению Всемирного Совета Мира широко отмечает прогрессивная общественность всех стран, является писателем необычайной идейной сложности. Книги Достоевского читаются с глубоким и захватывающим интересом. Они поражают силой разоблачения страшной капиталистической действительности, остротой отклика на социальные противоречия своего времени, страстностью гуманизма. Вместе с тем многие из этих книг раздражают сюсюкающей елейностью религиозных рецептов улучшения общественной жизни, возмущают клеветническими выпадами против лучших людей России 19 века — героической когорты революционных демократов.

Но произведения Достоевского — это в то же время постоянный спор писателя с самим собой, и чем сильнее в его творчестве проявлялось влияние реакции, тем ожесточеннее становился этот внутренний спор. Последний роман Достоевского «Братья Карамазовы» (1879—80 гг.), отличающийся наиболее откровенной защитой идеализма и поповщины, содержит главку «Бунт». В ней Иван Карамазов (идейный антагонист автора) приводит неопровержимые доводы, доказывающие, что проповедь христианского всепрощения и смирения есть не что иное, как жесто-

левскую тему, тему разоблачения пошлости и лжи бытия дворянских и буржуазных кругов русского общества. Трагическая тема опошления и гибели подлинной человеческой красоты в прогнившем и насквозь продажном обществе аристократического Петербурга, как известно, нашла свое яркое решение в «Невском проспекте» Гоголя. Эта тема развивается Достоевским в его романе «Идиот» (1868 г.). С шекспировской силой трагизма воссоздает он полную страданий жизнь гордой и чистой красавицы Настасьи Филипповны, жизнь сломанную, растоптанную обществом пошляков, развратников и стяжателей.

Большого обличительного пафоса исполнен голос художника, когда он касается темы губительной, развращающей власти денег, темы, уже поставленной в произведениях Пушкина и Гоголя. Власть денег в обществе с быстро развивающимися капиталистическими отношениями особенно ярко показана в таких романах Достоевского, как «Подросток» (1875 г.) и «Идиот». Самодержцем всея Руси во второй половине 19 века выступает Миллион. Миллион перетасовал русское пореформенное общество, изменил старые грани старых феодальных сословий; по его воле в обществе, как равные, встречаются и рафинированный аристократ Тоцкий и мужик-купец Рогожин. Деньги превращают бездарность в талант, а подлецу помогают прослыть воплощением добродетели. Порабощение человека в мире всевластия капитала приобретает особенно мерзкий, циничный характер. Один из героев романа «Идиот», чиновник Лебедев, человек неглупый и начитанный, доходит до глубокого цинизма в выражении признания всеислия денег. Он говорит, что готов «вверх ногами ходить» перед Рогожиным, внезапно оказавшимся наследником миллионного состояния. «Жену, детей малых брошу, а перед тобой буду плясать», — говорит Лебедев Рогожину. Достоевский показывает, как власть денег разрушает все человеческие связи — связи родства, любви, дружбы.

Таким образом, с самого начала своего творчества и до конца Достоевский был врагом общественного строя, основанного

на насилии, лжи, несправедливости. Он был врагом крепостничества, капитализма и всей бесчеловечной самодержавно-бюрократической машины. Это и привело Достоевского в круг Белинского и близких ему писателей-демократов, а позже — в кружок Петрашевского, за связь с которым Достоевский перенес жесточайшие испытания, надорвавшие и физические и моральные силы писателя. Но считать его вполне органическим явлением в среде русских революционных демократов нельзя. Несмотря на большую близость Достоевского к революционным демократам в области критики современного ему общественного строя, он уже тогда отличался от них тем, что был глубоко религиозным человеком, склонным к мистике, и главное тем, что его социалистические мечтания о всеобщем братстве людей не имели какой бы то ни было четкой общественно-политической основы.

Достоевский и в 40-е годы и позже не был идейно связан с жизнью многомиллионных масс русского народа, основу которого составляло трудовое крестьянство. Демократический герой его произведений — это обычно мелкий чиновник (Девушкин, Горшков, Покровский, Мармеладов и др.). Как бы ни был тяжел удел крепостного, а позже ободранного до нищеты реформой 1861 года крестьянина-труженика, как бы ни был он бесправен, сам общественно-полезный характер его труда, постоянное ощущение себя как части коллектива создателей жизни определяют здоровое, жизнеутверждающее начало его мировоззрения. Мировоззрение же мелкого чиновника лишено этих начал. Царский чиновник социально мертв. Его деятельность в общем носит антинародный характер, она отупляет, унижает или развращает человека. Эта среда и питала наиболее слабые, наиболее реакционные стороны мировоззрения писателя.

Защитая интересы простого человека, мелкого служилого люда, Достоевский выступает как гуманист и демократ. Но и гуманизм, и демократизм его ограничены, потому что не имеют под собой прочной идейной основы, которой может быть только идея освободительной борьбы трудящихся масс. Достоевский, всю жизнь беспощадно развенчивающий индивидуализм, на деле сам выступил от лица бедного человека вообще, человека-одиночки, в душе которого социальный протест ужи-

вается с рабской психологией, психологией лакея. Этим объясняется и безысходный трагизм всех его произведений и страшная беспомощность гуманизма Достоевского, доказывавшего, что высшей формой любви к человеку является жалость.

Начиная с 60-х годов, Достоевский выступает как откровенный противник, а позже — враг русских революционных демократов и идей революции вообще. Он считает, что передовая интеллигенция России не имеет народной «почвы», что она бессильна изменить существующий порядок вещей. И это также объясняется узостью той социальной базы, на которую опирался его демократизм, отсутствием связи с народным освободительным движением в стране. Ограниченность демократизма Достоевского в пору обострения классовой борьбы бросила его в объятия реакции, сделала его, друга и соратника Белинского в прошлом, другом мракобеса Победоносцева. Это лишь раз подтверждает ленинское положение о том, что в обществе, охваченном напряженной классовой борьбой, не может быть середины, не может быть «партии белых»; писатель либо идет с народом и революцией, либо неизбежно скатывается в лагерь реакции.

Воинствующий идеализм и реакционные тенденции в мировоззрении Достоевского вели к ограничению реализма в его творчестве. С этим связано и обостренное внимание художника к болезненным явлениям человеческой психики, и любованные страдания, и абстрактно-идеалистическое представление об извечной борьбе двух враждующих начал — добра и зла в человеческой природе и т. д. Ене Салтыков-Щедрин отмечал двойственность, противоречивость самого художественного стиля Достоевского. Он писал: «С одной стороны, у него являются лица, полные жизни и правды, с другой — какие-то загадочные и словно во сне мечущиеся марионетки, сделанные руками, дрожащими от тоски...»

Сильные и слабые стороны мировоззрения Достоевского сказались во всей художественной яркости и обаянии реалистических образов, языка его произведений и определяют тот живой интерес, с которым относятся к Достоевскому советские читатели, и глубокое уважение к нему как к писателю великому.

Е. ЛЕНСУ,

кандидат филологических наук.

конфликт дробится в них на множество мелких, но не менее острых конфликтов, вспышки которых постоянно освещают развитие действия. Сочетание образов таково, что создается впечатление, будто в жизни, которую живописует Достоевский, идет борьба всех против всех.

Романы Достоевского, часто минуя все предшествующие этапы сюжета, начинаются почти с кульминации. Но если присмотреться к характеру сюжетов произведений Достоевского, можно заметить, что их динамичность несколько односторонняя. В романах Достоевского в сущности мало действия, в них почти не раскрывается реальная практическая сторона жизни общества, трудовая деятельность людей, общественный и семейный быт. Мы имеем дело по преимуществу, так сказать, с психологическими поступками героев. Особенно малодейственны и нежизненные положительные герои его романов. И это объясняется тем, что Достоевский от ожесточенной хищной борьбы в мире разнузданного буржуазного индивидуализма звал человечество к христианскому самосовершенствованию, то есть к пассивности, к религиозному смирению, не видел действительного положительного героя и действительного положительного дела своего времени.

Наследие Достоевского давно приобрело всемирную известность. Но следует отметить, что реакционные силы в странах капитала пытались и пытаются выхолостить из произведений Достоевского положительные и прогрессивные начала, их гуманизм и демократизм.

Для советского народа и всего прогрессивного человечества Достоевский прежде всего ценен и дорог как страстный борец против всех мерзостей капиталистического мира и против той пезуитской, лицемерной морали, которой сверху донизу пронизана вся современная буржуазная мысль.

Вот этот беспощадный приговор миру капитализма, который выносит писатель в каждом крупном своем произведении, художественная яркость и обаяние реалистических образов, языка его произведений и определяют тот живой интерес, с которым относятся к Достоевскому советские читатели, и глубокое уважение к нему как к писателю великому.